

природы. Для удобства читателей в приложение (с. 334–359) вынесен ряд ранее не опубликованных источников: Письмо турецкого султана польскому королю 1642 года; Известие о битве при Зенте 11 сентября 1697 года; Переписка осажденных в крепости Эски-Таван казаков с турками и татарами 1697 года; Известия курантов о взятии Азова и триумфе 1696 года; Известие о происхождении турок; Описание коронации польского короля Михаила Вишневецкого в 1669 году; Описание церемонии перенесения сердца короля Михаила Вишневецкого в 1677 году; Известие о появлении во Гданьске проповедника, подстрекающего к неповиновению властям в 1677 году; Перевод памфлета против польской королевы Марии Казимиры; Куранты торговых крестьян Шангинных.

Главы 13–17 посвящены оценке влияния переводных источников на развитие русской культуры в области образования, формирования культурных элит и читательской аудитории европейского типа.

Решая задачи предельно широкого охвата и предварительной систематизации всего многообразия европейских источников отечественной рукописной традиции «памфлетов» и «курьезов», Шамин в своем исследовании далеко не всегда придерживается единого алгоритма описания и анализа процессов адаптации переводного источника в российской культуре (как это последовательно осуществляет, например, Э. Малек в издаваемой ею серии «Библиотека русских переводов XVII–XVIII веков древнепольской литературы»¹).

Недостаточно последовательно для историков литературы выглядит и жанровая классификация материала в главе 11 «Смех и юмор: мир вывернутой наизнанку», где *сатира*, *юмор*, национальная *смеховая культура*, досугово-

развлекательные *практики* царского двора, столицы и российской провинции оказываются не самостоятельными концептуальными единицами, а слабо дифференцированными синонимами, маркирующими идейный замысел и стилистические особенности иностранного источника, с одной стороны, и читательские ожидания российской аудитории середины XVII — начала XVIII века, с другой.

В Заключении (с. 322–333) автор подчеркивает, что далеко не исчерпавшее своего материала и проблематики исследование переводных «памфлетов» и «курьезов» позволило выявить механизмы влияния европейской литературы на русскую культуру, способы адаптации чужеродных текстов в новой культурной среде, их взаимодействие с традиционными для русской рукописной традиции сюжетами и жанрами.

Обсуждая вопрос о степени вовлеченности Московского государства в процессы европейской информационной революции Нового времени, автор рецензируемой монографии приходит к выводу, что в России процессы социальной и культурной модернизации начались с существенным запозданием, однако «несовременность» значительной доли европейского информационного импорта едва ли следует интерпретировать только как свидетельство косности отечественной аудитории, в ряде случаев интерес к традиционным сюжетам и стремление переосмыслить современное содержание в традиционном ключе есть признак здорового консерватизма, сохраняющего базовые ценности повседневной человеческой жизни.

Насыщенное и глубокое исследование Шамина вносит существенный вклад в обоснование преемственности между культурными парадигмами Московского царства и Российской империи и позволяет четче определить текстовые феномены, которые выглядят маргинальными в общей системе книжности допетровского времени, но в последующие периоды приобретают характер самостоятельных жанрово-тематических образцов русской рукописной традиции Нового времени.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-254-262

© А. Ю. Соловьев

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПУТЕШЕСТВИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Изучение литературы путешествий настолько популярное и многообразное гуманитарное направление нашего времени, что постоянно предпринимаются попытки обобщить как материал, так и сами эти исследования. Рассматривается при этом какой-либо аспект: тематические группы путешествий (по типу

маршрута, передвижения, автора),¹ практика путешествий и осмысление этого явления

¹ Ср. солидную подборку современных интерпретаций: Travel Writing / Ed. by P. Hulme, T. Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 356 p. (The Cambridge Companion).

в определенную эпоху,² методологические основы исследований.³ Мы бы хотели представить изучение русской литературы путешествий XVIII–XIX веков в последнее двадцатилетие сквозь призму оппозиции «литература путешествий» / «литературные путешествия», с которой так или иначе сталкивается каждый пишущий о них.

Это противопоставление, на наш взгляд выражающее филологическую проблематику изучения путешествий в наиболее общем виде, впервые стало ключевым в 1920–1930-е годы. Тогда сформировались два подхода к этому материалу. С одной стороны, Т. А. Роболи в рамках теории ОПОЯЗа предложила функциональный взгляд на путешествия («Литература путешествий», 1924), сосредоточенный на элементах, из которых собирается ткань повествования при эволюции жанра и на которые в ходе его неизбежной деградации распадается. Таким образом, совокупность текстов принимается за единый феномен и исследуются его особенности. С другой стороны, такие ученые, как Г. А. Гукковский, Л. В. Пумпянский и некоторые другие, объясняли специфику конкретных литературных путешествий исходя из представления о проявлении в них стиля, который, в свою очередь, является выражением мировоззрения. Это противопоставление актуально и сегодня.

Начать нужно с книги А. Шёнле,⁴ который предложил рассматривать русскую литературу путешествий карамзинско-пушкинской эпохи как тип повествования, сосредоточенный вокруг проблемы репрезентации воображаемого и реального, с точки зрения трех сфер приложения этого конфликта — ритуала, истории и иронии. Вне поля зрения исследователя остаются произведения, которые описывают знакомое, привычное, известное, статичны или «малоподвижны»: «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», «Пу-

тешествие вокруг Москвы» Н. М. Карамзина, «Письма из Лондона» П. И. Макарова. Ни одно произведение не рассматривается в совокупности определяющих его своеобразие черт, но в каждой главке, посвященной какому-либо одному тексту, выделяется наиболее яркая, с точки зрения Шёнле, или незамеченная предшественниками особенность. В результате получается обобщенный психологический портрет «русского путешественника» рубежа XVIII–XIX веков (обобщенный также и в том смысле, что он соединяет черты реальных личностей и рассказчика и даже повествователя стихотворных форм). Вопреки установке на универсализм, бесспорное достоинство книги — в умении автора выявлять художественную структуру, лежащую в основе того или иного произведения (от радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» до «Фантастических путешествий» О. И. Сенковского и «Странника» А. Ф. Вельтмана).

Последовавшие за книгой Шёнле исследования также были построены на обширном материале, но предлагали в большей степени культурологический, чем филологический подход. Так, Д. Оффорд рассматривал путешествия в контексте формирования и репрезентации национальной идентичности и видоизменявшегося со временем отношения русских к Европе как к культурному пространству. В каждой из глав монографии⁵ произведение какого-либо из представителей русской элитарной культуры (от столыника П. Толстого до М. Е. Салтыкова-Щедрина) раскрывается как демонстрирующее его взгляд одновременно на европейцев и на самих русских, причем второй формируется под напором западного влияния на русскую культуру, иногда вопреки ему. С. Диккинсон⁶ исследовала вклад путешествий в Европу в развитие русской национальной культуры, выделяя такие тенденции, как подражание, знакомство с реальным Западом и выработка собственных форм описания впечатлений. Фонвизин, Радищев, Карамзин, Батюшков, Глинка, Пушкин и Жуковский, с точки зрения Диккинсон, каждый по-своему решали одну задачу, одновременно художественную и онтологическую.⁷ Ведущие эмоции или особенности травелогов указывают на разновидности стратегии в общем направлении размежевания с европейской культурной

² Рош Д. Путешествия // Мир Просвещения: Исторический словарь / Пер. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 359–368 (на итальянском языке издание вышло в 1998 году).

³ Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое литературное обозрение. 2011. № 6 (112). С. 379–402 (обзор актуальных зарубежных исследований литературы путешествий); Пономарев Е. Р. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 562–580 (становление «русской теории травелогога» с акцентом на постколониальную критику).

⁴ Schonle A. Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2000. 304 p. Рус. пер.: Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с. (сер. «Современная западная русистика»; т. 51).

⁵ Offord D. Journeys to a Graveyard: Perceptions of Europe in Classical Russian Travel. Dordrecht, Netherlands: Springer, 2005. 287 p. (International Archives of the History of Ideas = Archives internationales d'histoire des idées; vol. 192). Пер.: Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 387–391 (А. Ю. Сорочан).

⁶ Dickinson S. Breaking Ground. Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Amsterdam; New York: Rodopi, 2006. 291 p. (Studies in Slavic literature and poetics; № 45). Пер.: Slavic Review. 2007. Vol. 6. Is. 4. P. 778–779 (А. Lounsbury).

⁷ Dickinson S. Breaking Ground. P. 177.

традицией, и прежде всего в самом описании путешествий.

Отметим мимоходом, что термин «травелог», прижившийся на русской почве, мало используется в рассмотренных выше работах.

Параллельно расширяется источниковая база, особенно для раннего Нового времени. Прежде всего это работы С. А. Козлова,⁸ благодаря которым были введены в оборот не только собственно путешествия, но и документы иного рода, оставленные путешественниками, в том числе «путешественниками поневоле», говоря словами Л. Стерна, в частности, переписка оказавшегося в шведском плену А. Я. Хилкова с русскими резидентами. Осуществлялись и другие публикации,⁹ а также републикации малодоступных источников.¹⁰ Большой частью среди них были не художественные тексты, но именно это обстоятельство и способствует тому, чтобы сделать выводы о природе литературы путешествий в целом.

Третье направление исследований, которое мы хотели бы выделить, — это фактологическое изучение хорошо известных текстов. Ярким примером могут служить работы Г. Пановски¹¹ и Р. Бодэна¹² о «Письмах русского пу-

тешественника». Хотя авторы приходят к прямо противоположным выводам о превалировании в тексте Карамзина документального или художественного начала, но обе работы посвящены тому, чтобы «проследить, как достоверное интерпретируется и как оно иногда соединяется с вымыслом или даже замещается им»,¹³ т. е. процессу складывания, собирания текста из разнородного материала.

Региональный подход к литературе путешествий, вероятно в какой-то мере выросший из позднесоветско-российского краеведения, органично вписался в общие тенденции, во многом благодаря устойчивой тяге к «текстуализации пространства» в гуманитарных науках. Прежде всего это проявляется в рамках изучения так называемого крымского текста русской литературы.¹⁴ Крым — вполне конкретное и одновременно воображаемое пространство, примыкающее по своей структуре к «культурному пространству» (например, «российских европий» — Лифляндии и Эстляндии, или русскому образу Западной Европы). Не случайно многочисленные путешественники рубежа XVIII–XIX веков, писавшие о Малороссии и Крыме, ориентировались на швейцарские образы из «Писем русского пу-

⁸ В издательстве «Историческая иллюстрация» исследователю удалось выпустить целую серию: Козлов С. А. 1) Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб., 2003. Т. 1. 496 с.; 2) Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006. 270 с. (сер. «Русский путешественник эпохи Просвещения»; т. 2); 3) Путевые записки Ю. Ф. Лисянского и И. Ф. Крузенштерна 1793–1800. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. СПб., 2007. 302 с. (сер. «Русский путешественник эпохи Просвещения»; т. 3); 4) От Лейпцига до Очакова: дневниковые записки Р. М. Цебрикова. 1785–1788. СПб., 2009. 230 с. (сер. «Русский путешественник эпохи Просвещения»); 5) Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. СПб., 2011. 413 с.; 6) Русские открывают Японию: из рукописного наследия мореплавателей В. М. Головнина и А. И. Хлебникова, 1810–1820-е гг. СПб., 2016. 502 с. (сер. «Русский путешественник эпохи Просвещения»; т. 5).

⁹ Путешествие братьев Демидовых по Европе: письма и подневные журналы, 1750–1761 годы / Подг. текста Г. А. Победимовой при участии С. Н. Искуля; вступ. статья Г. А. Победимовой. М.: Индрик; Наука, 2006. 512 с.

¹⁰ Россия и Запад: горизонты взаимопознания. М.: Наследие; ИМЛИ, 2000–2008. Вып. 1–3.

¹¹ Panofsky G. S. Nikolai Mikhailovich Karazin in Germany: Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010. Рец.: *Revue des études slaves*. 2010. Т. LXXXI. Fasc. 4. P. 595–599 (R. Baudin); Новое литературное обозрение. 2010. № 5 (105). С. 334–337 (И. Клейн).

¹² Baudin R. Nikolai Karazin à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011 (Étu-

des orientales, slaves et néo-helléniques). Рец.: *Cahiers du monde russe*. 2011. Vol. 55. № 4. P. 677–680 (G. S. Panofsky); Русская литература. 2013. № 1. С. 221–226 (Н. Д. Кочеткова). См. также статью Р. Бодэна — образец тонкой работы с контекстом литературного путешествия: Бодэн Р. О возможном источнике «Путешествия из Петербурга в Москву»: Александр Радищев и Франсуа Верн // Аонида: Сборник статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 93–105.

¹³ Кочеткова Н. Д. Французский исследователь о «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Русская литература. 2013. № 1. С. 221–222.

¹⁴ Любый А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.; Крымский текст в русской культуре: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. / Под ред. Н. Букс, М. Н. Виrolайнен. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2008. 250 с.; Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина: литературно-исторические очерки. Великий Новгород; Симферополь: Растр, 2015. 303 с.; Сентиментальные путешествия в Тавриду: Крымский миф в русской культуре первой половины XIX века / Изд. подг. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. ред. В. А. Кошелев. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: Растр, 2016. 507 с. (сюда вошли произведения П. И. Сумарокова и И. М. Муравьева-Апостола); Крымский миф в русской культуре первой половины XIX века: свод малоизвестных свидетельств современников / Изд. подг. К. В. Борисова [и др.]; науч. ред. В. А. Кошелев. Великий Новгород; Симферополь: Растр, 2017. 768 с.

тешественника» Карамзина. Другие «региональные тексты» также продуцируют исследования травелогов.¹⁵

М. Дамбровска рассматривает сентиментальные путешествия рубежа XVIII–XIX веков в контексте идей эпохи Просвещения.¹⁶ Ее метод можно определить через объединение подхода к описанию сентиментализма Л. В. Пумпянским и Н. Д. Кочетковой, когда базовые идеи выделяются через анализ их источников — стержневых для эпохи философских и эстетических произведений и идей — и одновременно рассматриваются на широком материале художественных текстов.

Философский подход (связанный с немецкой традицией), представленный в сборнике «Беглые взгляды»¹⁷ и, например, в отдельной статье одного из его редакторов, Г. А. Тиме,¹⁸ учитывает в первую очередь то, какие особенности путешествий позволяют им служить «средством передачи тех или иных мировоззренческих постулатов, а также умонастроений автора».¹⁹

Семиотический подход тартуских исследователей позволил ввести в научный оборот такое явление, как путеводитель — особый род материала, находящийся на периферии литературы путешествий, а также связанный с ней феномен национального мифа. Оба предмета изучения соотносимы с типом властного, руководящего дискурса и либо служат «источниками и импульсами» для произведений литературы путешествий,²⁰ либо делают рельефными

такие функции этой литературы, как конструирование воображаемого сообщества, репрезентация нации.²¹

В целом на рубеже 2000–2010-х годов ожидался подъем изучения путешествий либо за счет многообразия подходов и вовлечения большего числа текстов (в том числе таких далеких, на первый взгляд, от литературы, как путеводители), либо за счет обобщенного труда, основное внимание в котором было бы сосредоточено на изучении феномена путевой литературы как таковой: «...в России <...>, хотя и появляется немало исследований, связанных с конкретными травелогами, пока нет системного осмысления проблемы. Сколь угодно подробное описание путешествий по отдельному региону, характеристика путевых текстов определенной эпохи, изучение конкретных сочинений известных и неизвестных авторов еще не приближают нас к пониманию того, в чем же состоит особенность литературы путешествий».²²

В 2010-е годы появилось много новых исследований, посвященных русским путешествиям, однако обобщающих работ стало даже меньше, а диапазон подходов не обогатился.

Необходимо кратко охарактеризовать издания, посвященные отдельным текстам или группам текстов: хотя ни одно не обошлось без рецензии, подчас весьма обстоятельной, мы полагаем, что их следует упомянуть в контексте нашей проблематики.

Один из ключевых вопросов — как отличить литературные путешествия от чего-то другого? Так, финская исследовательница Н. Минар-Төрмянен обратилась к постколониальной теории для освещения темы «Финляндия в русских травелогах».²³ Но взятые ею для анализа произведения — это скорее тексты о Финляндии, а не собственно травелоги. Е. Р. Пономарев изучает советский путевой очерк как пространство идеологической борьбы с капиталистическим Западом.²⁴ Э. Бояновска

примере путеводителей по Эстонии XIX в.) // Путеводитель как семиотический объект / Ред. Л. Киселева. Тарту, 2008. С. 25 (сер. «Humaniora: Litterae Russicae»).

²¹ Киселева Л. Литературная составляющая имперского национального проекта // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели / Ред. Л. Киселева. Тарту, 2012. С. 13–14 (сер. «Humaniora: Litterae Russicae»). См. в этой коллективной монографии особенно гл. 2 «Идеологизация пограничного пространства в русской литературе и публицистике XIX в.».

²² Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки. С. 379.

²³ Minard-Törmänen N. An Imperial Idyll. Finland in Russian Travelogues (1810–1860). Helsingfors: Societas Scientiarum Fennica, 2016. 350 s. Рец.: Новое литературное обозрение. 2018. № 5 (153). С. 361–367 (Л. С. Чекин).

²⁴ Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–

¹⁵ Для примера укажем Тверь (Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2013. 176 с.) и Сибирь (см., например: Меднис Н. Е. Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: Маршруты, топосы, жанры и нарративы. Коллективная монография / Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: НГПУ, 2016. С. 20–36).

¹⁶ Dąbrowska M. Dla požitku i przyjemności: rosyjska podróż sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. 240 s. Рец.: Slavia Orientalis. 2009. Rosz. 58. № 3. S. 360–364 (J. Orłowski); Новое литературное обозрение. 2009. № 5 (99). С. 370–372 (В. Г. Щукин).

¹⁷ Подход подробно охарактеризован одним из участников проекта «Взгляды других: путешествия по маршруту Париж — Берлин — Москва в межвоенный период», по результатам которого вышел сборник «Беглые взгляды», см.: Пономарев Е. Р. Травелог vs. путевой очерк. С. 565–570.

¹⁸ Тиме Г. А. О феномене русского путешествия в Европу. Генезис и литературный жанр // Русская литература. 2007. № 3. С. 3–18.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Киселева Л. Путеводитель как семиотический объект: К постановке проблемы (на

выявляет особенности имперского дискурса, отразившиеся во «Фрегате „Паллада“» И. А. Гончарова.²⁵ Выход этой книги стал как бы ответом на запрос, высказанный чуть ранее А. Ю. Сорочаном.²⁶ Той же области изучения (имперское сознание), а также ее теоретическому обоснованию посвящен и ряд новых работ Е. Р. Пономарева.²⁷ Хотя имперское сознание, как и любая другая идеология, входит в предмет изучения травелогов и его реконструкция интересна, однако не оно определяет специфику этого рода литературы.

По-настоящему продуктивно, на наш взгляд, изучение не того, что «скрыто» в описании путешествия, а того, что находится на виду. Это легко показать на примере концепции Ю. М. Лотмана о «Письмах русского путешественника».²⁸ Та ее часть, которая объясняет некоторые недомолвки автора «Писем...» заданием — спрятать от глаз цензуры и непосвященных читателей маршрут реального Карамзина, который якобы навещался в революционный Париж в то время, как по тексту находился в Швейцарии, — была вскоре опровергнута фактами (С. Геллерман, Г. Пановски). Актуальным осталось изучение Лотманом литературной поэмы Карамзина, его авторской маски (масок), т. е. образов и их функций.

1930-х годов: монография. СПб.: СПГУТД, 2011. 275 с. Рец.: Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 390–391 (С. Чердынченко).

²⁵ *Bojanowska E. A World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada.* Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 374 p. Рец.: Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154). С. 333–338 (К. Ю. Зубков).

²⁶ Ср.: «Текст Гончарова вписывается в ряд русских „заграничных путешествий“ и потому подлежит исследованию с позиций имагологии, в первую очередь в тех аспектах, которые связаны с созданием „образа другого“ <...> наиболее важна негативная оценка Англии и ее причины, анализ которых лежит вне плоскости исследования Оффорда. Здесь „колониализм“ автора ФП («Фрегата „Паллада“»). — А. С.) требует иных подходов; отчасти реализованных в недавней книге Барбары Буш „Постколониализм и империализм“, в частности, в рамках постколониального направления или «новых географий» Н. Трифта (*Сорочан А. Ю. «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова в контексте литературы путешествий // Травелог: рецепция и интерпретация. Сб. статей / Сост., отв. ред. Э. Ф. Шафранская. СПб., 2016. С. 47–49).*

²⁷ *Пonomarev E. P. 1) Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 33–44; 2) Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // Там же. 2020. № 1 (161). С. 562–580.*

²⁸ В издании книги в серии «Литературные памятники» (1984), в монографии «Сотворение Карамзина» (1987), в ряде других работ.

Особняком стоит монография А. Л. Зорина «Появление героя»,²⁹ в разделе о путешествии Карамзина во многом опирающаяся на достижения Ю. М. Лотмана и творчески развивающая их в совершенно оригинальном направлении. Маска «Русского путешественника» работала на эффект достоверности, позволявший писателю, по словам Зорина, «реализовать свою дидактическую программу», которая состояла в «радикальном обновлении и обогащении репертуара эмоциональных матриц образованной русской публики».³⁰ Это новый и очень удачный взгляд на природу чуть ли не самого изученного путешествия русской литературы, при этом он не привлекает каких-то внеположных самой литературе рядов, идеологического или социального, остается в рамках филологии и предлагает замечательный путь.

Монография В. М. Гуминского «Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте», посвященная явлению в целом, — обобщающий труд,³¹ промежуточный итог многолетней работы автора в этой области. Несмотря на то, что Гуминский уже в предисловии говорит, что «концепция генезиса и развития жанра путешествия» не изменилась по сравнению с его предыдущей книгой³² на эту же тему (с. 3), сделанное заявление не означает, что ничего учить и перерабатывать автор не собирался. Это все-таки новая работа, хотя и содержащая переклички и даже повторы по сравнению со старой (две главы — о Е. Э. Дрианском и В. К. Арсеньеве — и многие места во вступительном разделе). Концепция суммируется заглавием предисловия — «Путешествия и пространство». Определяющим для исследователя Гуминский называет значение мотива действительного путешествия в каждом конкретном произведении. В монографии рассматриваются литературные путешествия XVIII — начала XX века, в том числе паломничества в Святую землю (им уделено до трети общего объема книги). В изложении материала соблюден, хотя с небольшими отступлениями, хронологический принцип. Есть соблазн сказать, что исследователь находится под очаро-

²⁹ *Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с. Строя повествование вокруг Ан. И. Тургенева, Зорин показывает различные сферы «эмоциональной культуры» через литературные произведения; отдельная глава посвящена «Письмам русского путешественника».*

³⁰ Там же. С. 153.

³¹ *Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 608 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.*

³² *Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 284 с.*

ванием концепта пространства постольку, поскольку в образах бескрайних просторов (степь, поле и даже море) «заключается огромный художественный потенциал» (с. 147; глава имеет подзаголовок «к проблеме изображения национального ландшафта»). «Тут можно вспомнить и эпилог „Преступления и наказания“, когда каторжанину Родиону Раскольникову, сидящему на высоком берегу сибирской реки, „открылась широкая окрестность“» (с. 149) — свидетельство слишком широко взятого контекста, уводящего в другую область исследований. Однако глубинный уровень осмысления в монографии Гуминского все же сосредоточен не на пространственных мотивах и метафорике, а на встрече с «чужим, неизвестным миром» (с. 5), по отношению к которому «путешественник неизбежно встает в зафиксированную <...> позицию наблюдателя», помогающую ему преодолеть любые (пространственные, языковые, культурные) барьеры.

Отдельно отметим тенденции в изучении паломнических текстов. Если древнерусские хождения слишком резко отличаются от путешествий Нового времени (символическое значение земного пространства соединилось с практически применением — рассказ о том, как добраться до Святых мест), то паломничества к православным святыням Востока, описания которых созданы в XIX веке, — А. Н. Муравьева, А. С. Норова и других вбирали в себя черты путешествий новой литературы. В свою очередь это влияло на издательскую практику в отношении памятников древнерусской традиции (рассмотрению в том числе этих влияний посвящена, например, серия статей И. В. Федоровой).³³

Несмотря на публикацию некоторых новых текстов, относящихся к литературе путешествий, исследователи продолжают оперировать набором одних и тех же произведений. Расширение репертуара — одна из насущных задач изучения литературы путешествий, и главное подспорье в этом — библиография.³⁴

³³ Федорова И. В. 1) «Хождение Трифона Коробейникова» в изданиях XVIII века // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 358–364; 2) «Хождения» русских паломников XII–XVIII веков в Православном Палестинском сборнике (К вопросу о принципах издания) // Там же. Т. 58. С. 735–752; 3) Апокрифы и исторические предания в русской паломнической литературе XII–XIX веков // Русская литература. 2012. № 3. С. 88–107; 2015. № 1. С. 58–76.

³⁴ В этой связи следует отметить еще одно недавно вышедшее издание: Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888–1972 / Сост. А. Л. Соболев, Р. Д. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с. Несмотря на то что его хронологические рамки далеко отстоят от предмета данного обзора, нельзя не упомянуть открывающую эту антологию весьма содержательную, с точки зрения нашей темы, статью Р. Д. Тименчика «Уворованная

Такова основная причина, по которой нужно уделить особое внимание библиографическому указателю «Русский травелог».³⁵ Это итог большого многолетнего проекта, в рамках которого описан и изучен ряд ранее не привлекавших внимание текстов, а результаты работы представлены в серии сборников и коллективных монографий под редакцией Т. И. Печерской, выходящих в Новосибирске начиная с 2013 года.³⁶ В опубликованных в них статьях А. Е. Козлова (2013), Е. Г. Милогиной и М. В. Строганова (2015), Н. Е. Меднис (2016) проведен ряд обобщений о русской литературе путешествий в целом, однако все же большая часть представленных работ посвящена не «системному осмыслению проблемы» (А. Ю. Сорочан), но, являясь материалом для такового, вводит в научный оборот новые данные. Указатель, на наш взгляд, и является шагом на пути к обобщению (это входило в намерения самих участников проекта, выраженные в предшествующих ему публикациях).³⁷

«Русский травелог» — это первый опыт специальной библиографии в области русской литературы путешествий (разделы, более или менее соответствующие ей, имелись в ряде справочников, например, раздел «Художественно-документальные жанры. Путешествия» в указателе «История русской литературы XIX века» под редакцией К. Д. Муратовой или географические подразделы в «Истории дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях»

связь и заумный сон» (с. 5–24), а также демонстрирующий новые перспективы исследования травелогов не только в историко-культурном, но и в социологическом и экономическом ракурсе очерк А. Л. Соболева «Венеция: Исторический путеводитель» (с. 25–184). Благодаря Г. В. Обатнина за указание на это издание.

³⁵ Русский травелог XVIII — начала XX веков. Аннотированный указатель / Ред. Т. И. Печерская; сост. А. А. Богодерова, Н. А. Ермакова и др. Новосибирск: Немо Пресс, 2018. 829 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы или пункта библиографии.

³⁶ См.: Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013. 591 с.; Русский травелог XVIII–XX веков / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: НГПУ, 2015. 656 с.; Русский травелог XVIII–XX веков: Маршруты, топосы, жанры и нарративы / Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: НГПУ, 2016. 462 с.; Русский травелог: между литературой и документом / Под ред. Н. А. Ермаковой. Новосибирск: НГПУ, 2019. 337 с.

³⁷ Ср.: «Это — яркое свидетельство отличия российского подхода к изучению травелога от западного. Российские исследователи начинают с систематизации материала, оставляя на будущее теорию и методологию» (Пономарев Е. Р. Травелог vs. путевой очерк. С. 573).

под редакцией П. А. Зайончковского, но они были очень далеки от полноты), поэтому выход справочника — значительное событие, заслуживающее не одной рецензии.³⁸

Первое, что следует отметить при знакомстве с этим трудом, — полнота охвата. В указателе вошло более четырех тысяч записей, это солидный объем, особенно если учесть, что большая их часть извлечена из периодических изданий, в том числе региональных. Однако нет указателя без пропусков. Хрестоматийным стал случай пробела, допущенного Г. Н. Геннадя: собрав в «Списке сочинений Гоголя» редкие и малоизвестные произведения писателя, он пропустил «Мертвые души». В рецензируемом издании не нашлось места пушкинскому «Путешествию в Арзрум».³⁹

Это не может служить упреком составителям до тех пор, пока не определены критерии отбора текстов. Нет сомнений в том, что научный коллектив из Новосибирска поставил перед собой масштабную, амбициозную задачу, и, если не вводить ограничений, ее вряд ли по силам решить даже большой группе.

Каковы же были принципы отбора материала? Составители сообщают: «В указатель включены документальные тексты, содержащие описание реальных путешествий». Под ними понимаются «служебный отчет, статейные списки дипломатов, дорожный журнал, научный отчет об экспедициях, путевой дневник, путевые записки, эпистолярный, мемуары, очерк и пр.» (с. 4). Между тем ни в аннотации к изданию, ни в предисловии не отмечено, что в указатель включены только опубликованные травелоги. А ведь ожидающие исследователей в архивах эпистолярные и мемуарные тексты составляют по сей день большинство. Ориентация только на опубликованное обедняет картину, что следовало бы оговорить, и тогда любой читатель, в том числе не самый подготовленный, мог бы иметь это в виду. Далее, «основанием для включения документального текста в указатель является комплекс следующих признаков: описание маршрута путешествия (как «сюжетообразующего» начала), выражение отношения к увиденному, передача личных впечатлений, внутренняя интенция „остранения“, т. е. отношение к окружающему как другому/чужому/новому» (с. 4). Отметим, здесь к текстам, находящимся на грани между литературой и историческим документом, применены литературоведческие категории.

Решение об ограничении материала, конечно, вынужденное, иначе указатель был бы наводнен путеводителями, газетными корреспонденциями с мест и другими текстами, лишенными личного начала. Путеводители, правда, выделены здесь в особый раздел (это

решение вызвало критику со стороны другого рецензента⁴⁰); напомним, однако, что некоторые из них, например «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова, иногда прочитываются исследователями как вполне полноценные травелоги, очень личностно окрашенные.⁴¹ С ограничением нужно согласиться. Но его применение предстает как спорное, так как указанные выше лакуны — известнейшие художественные произведения в форме травелога — принципиально не отличаются по выбранным критериям от учтенных произведений Карамзина и Фонвизина.

Перед нами библиография не регистрационного типа, но по своим принципам филологическая. Правда, в том, что касается уже не отбора, а описания материала, указатель еще далек от лучших образцов филологических библиографий. Географическое распределение материала по разделам (Российская империя, с. 8–429; мир, с. 430–629) с выделением региональных рубрик («Кавказ», «Сибирь», «Ближний Восток», «Африка» и т. п.; раздел «Европа» поместился на с. 430–486, что кажется явным преуменьшением доли европейских путешествий) дополняется алфавитным порядком внутри каждой части.

Жанровые определения даны непоследовательно и иногда мало что объясняют, например: «воспоминания», «мемуары» (существует ли четкое разграничение воспоминаний и мемуаров?), «путевые очерки», «путевые заметки».

Обидным пропуском, который нужно заполнить в дальнейшем, является отсутствие сведений о переводах вошедших в указатель травелогов и отзывах на них. А ведь иногда отклики не только характеризуют степень известности того или иного произведения, но и вносят чисто фактические уточнения в его историю.⁴²

Библиография научных работ, составляющая особый раздел указателя, приведена избранная, причем преимущественно современная, при наличии инструментов электронных баз данных легко доступная для самостоятельного подбора каждым исследователем. В раздел «диссертации» попали исследования о текстах, не вошедших в указатель, например, о радищевском «Путешествии из Петербурга в Мос-

⁴⁰ См.: Пономарев Е. Р. Травелог vs. путевой очерк. С. 573.

⁴¹ См.: Милогина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. С. 21–25. Ср.: «...путеводитель чаще всего заключает в себе ярко выраженную авторскую позицию» (Киселева Л., Пильд Л., Степанцева Т. Некоторые итоги «путеводительного» проекта // Путеводитель как семиотический объект. С. 9).

⁴² Например, в рецензии на «Досуги крымского судьи» П. И. Сумарокова (Любитель словесности. 1806. Ч. 3. № 8. Известия. С. 159–169) приводилась информация о том, что, будучи напечатана в 1803, «показалась в свет» книга только в 1806 году.

³⁸ См. фрагмент в процитированном обзоре Е. Р. Пономарева.

³⁹ Как и ряду других путешествий, чья биографическая основа не подлежит сомнению, например «Зимним заметкам о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского.

кву». Целесообразнее было бы подготовить отдельный справочник, полное отражающий библиографию работ о травелогах.

Издание снабжено указателем имен, но в нем нет географического указателя, что крайне затрудняет пользование им.

Само наличие указателя нельзя не признать, вместе с тем ряд особенностей его построения и оформления наводят на общеметодологические вопросы, которые необходимо задать прежде, чем предпринимать библиографический труд, поскольку ответы на них влияют на результат. Это распределение по категориям, принципы поиска информации, цель и назначение справочника, отбор материала (в том числе — рукописный и печатный), библиографирование: последовательность в обозначении дат путешествия, учет изданий/переизданий и т. п.

Приведем несколько примеров.

«Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (№ 2074) зарегистрировано в указателе по изданию 1824 года (в Полном собрании ученых путешествий по России). Во-первых, это многотомное издание было бы бесполезно описать отдельно. Во-вторых, сочинение Крашенинникова впервые издано в XVIII веке и было хорошо известно до 1824 года. Для травелогов А. Н. Муравьева указаны первые публикации (разнесенные по разделам из-за географического принципа — № 1242, № 3681). Ссылка на «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина (№ 3219) дается по двухтомному изданию 1959 года под редакцией Г. П. Макогоненко, на «Хронику русского» А. И. Тургенева (№ 3193) — по изданию в серии «Литературные памятники». При этом, например, о «Письмах об Испании» В. П. Боткина (№ 2922) приведены сведения по двум прижизненным изданиям — в «Современнике» и отдельному, а издание в «Литературных памятниках» не упомянуто. Путешествие Е. В. Молоствовой (№ 3679) из Туниса в Алжир попало в раздел «Западная Азия», аннотация не поясняет этот выбор.

Мы видим, что теряется из виду как хронология самих путешествий, так и хронология публикации текстов: выбор изданий при наличии нескольких, относящихся к разным эпохам, сделан крайне непоследовательно. Подход А. Г. Тартаковского, выделявшего в составленном им списке воспоминаний XVIII века⁴³ только те тексты, которые были и созданы, и опубликованы в XVIII веке, представляется удачным примером. В предисловии к указателю заявлено, что в нем выдержан тот же принцип.

В эпоху цифровых технологий указатель нужен не столько как справочник, сколько как исследование. Поэтому главное — контекст, в который помещает явление данная работа. В указателе под редакцией П. А. Зайончковского, например, это контекст исторических

⁴³ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века: от рукописи к книге. М., 1991 (раздел «Приложение»).

источников. Здесь же травелоги предстают частью периодической печати и разнообразностью мемуарной литературы, а географический контекст оказался слабее выраженным.

Русские травелоги в последние десятилетия было актуально изучать именно как особый тип литературы. Вклад новосибирского исследовательского центра значителен: из статистических, фактологических сведений об отдельных произведениях складывается нечто целое, материал превращается в объект. После знакомства с этой работой становится ясно: в разговоре о путешествиях больше невозможно ограничиваться воспроизведением старой схемы Роболи (чем грешат многие, не названные в настоящем обзоре работы) — нужен целостный подход, который еще предстоит разработать. Указателем увенчался многолетний проект, но в отношении исследования это только самое начало. Повторим: это первый библиографический указатель в своей области, расширивший репертуар текстов.

Далее необходимо выявление незамеченных литературных путешествий в архивах русских писателей, их текстологическое и историко-литературное изучение.

Издание, подготовленное по гранту, не подлежит продаже. Надеемся, что последует доработка указателя и его переиздание, которое было бы доступно желающим его приобрести; еще лучше — параллельно с электронной интерактивной версией.⁴⁴

За границами настоящего обзора осталось немало исследований, в первую очередь посвященных отдельным произведениям литературы путешествий.⁴⁵ Нашей целью было наметить некоторые важные, на наш взгляд, тенденции, которые следовало проиллюстрировать характерными примерами, а это не позволяет упомянуть все работы по теме, вышедшие за последние годы.

Хотя обобщающие труды мало учитывают наработку литературоведов, занимающихся путешествиями во всемирной, прежде всего

⁴⁴ В том, что исследование темы путешествий, представленное в нелинейном, гипертекстовом виде, может быть эвристически ценным и увлекательным для желающих построить на его основе собственную выборку, нас убеждает, например, проект «Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.)», выполненный по материалам Е. В. Анисимова и под его общим руководством. Этот интерактивный справочник дает возможность поиска, в том числе, по топонимам, что позволяет составить максимально полное понятие о маршрутах Петра I. См.: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic?q=&mode=toponyms>; дата обращения: 31.08.2021.

⁴⁵ Отчасти эта задача отдельных обзоров. Например, о «Зимних заметках...» Достоевского см.: Михновец Н. Г. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского в современных зарубежных исследованиях // Русская литература. 2014. № 3. С. 118–128.

западной, литературе, и достижения соседних областей гуманитарного знания, а положение с осмыслением литературы путешествий в русистике мало отличается от описанного А. Ю. Сорочаном десять лет назад, все же определенные изменения есть. Русская литература путешествий (травелогов) XVIII–XX веков в последнее десятилетие привлекает все большее внимание исследователей как в России, так и за рубежом, причем внимание это постепенно

сосредотачивается на изучении феномена путевой литературы как таковой. Положение литературы путешествий на границе жанров, повышенный интерес современников к этому виду литературной продукции, наличие большого числа откликов и пародий на путешествия — все это позволяет говорить о востребованности как литературного путешествия — способа познания мира, — так и исследований этой области литературы.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-262-263

© Р. Ю. Данилевский

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ О РУССКИХ СВЯЗЯХ ФРИДРИХА РЮККЕРТА*

В Баден-Бадене (ФРГ), в издательстве «Эргон», вышла в свет монография Макса-Райнера Урига «Запутанные тропинки. Фридрих Рюккерт и Россия». В книге рассматривается история восприятия поэзии Рюккерта в России. Эта история не очень обширна, однако в ней были задействованы такие представители русской литературы, как В. А. Жуковский и Ф. М. Достоевский. Не сыграв значительной роли в истории русской литературы, Рюккерт отметил, тем не менее, в нашей словесности такими знаменательными событиями, как эпос «Наль и Дамаянги» в переложении В. А. Жуковского и несколькими переводами лирических стихотворений, выполненными К. К. Павловой, А. Н. Плещеевым, М. Л. Михайловым и А. А. Фетом.

Как пишет автор книги, о том, что его произведения вызывают интерес за границей, поэт знал из писем и от редких своих гостей, преимущественно англосаксонских авторов. Финские профессора, говорившие по-шведски, которые посещали Рюккерта, надеялись на его интерес к их национальному эпосу «Калевала». Но надежды эти не оправдались. Не ожидавший от картин чужого национального эпоса ничего хорошего, поэт не хотел знать о восприятии его творчества в мире русской литературы, которая в течение десятилетий усваивала его произведения.

В книге Урига (глава 2) подробнейшим образом анализируются переводы из Рюккерта, выполненные В. А. Жуковским («Наль и Дамаянги»), М. Л. Михайловым («У дверей»), К. К. Павловой (стихотворение «Пойми любовь! Ищи во взорах милой...»), А. Н. Плещеевым («Песня странника»), А. А. Фетом (стихотворения «Если ты меня разлюбишь...», «Как мне решить, о друг прелестный...», «У моей возлюбленной есть украшение...», «И улыб-

ки, и угрозы...», «В степной глуши, над влагой молчаливой...»).

В главе 3 («На пути к музе: антологии, издания и исследования») рассматриваются сборники стихотворений и научные работы, посвященные теме, учитывающие как антологию Н. В. Гербеля «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (1877), так и издание «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» (1978–1988; у Жуковского имелось семь изданий сочинений Рюккерта).

Глава 4 («Неудавшаяся связь: непонимание и жалобы стареющего поэта») оканчивается печальным выводом: «Находясь под властью образов национального врага, поэт не имел представления о рецепции своих произведений в мире русской литературы, которая десятилетиями впитывала в себя его сочинения самым различным образом. Это неприятие, виной которому был он сам, не свobodно от трагизма, присущего всякому необдуманному отрицанию» (S. 73; здесь и далее, если не указано иное, перевод мой. — Р. Д.). Возможности общения с Рюккертом русских литераторов (В. А. Жуковский, Н. В. Станкевич, Я. М. Неверов), которые могли бы посетить университетский город Эрланген, где Рюккерт руководил кафедрой ориенталистики, не были ими использованы. Сам немецкий поэт не был склонен к общению с иностранцами. Он писал о себе: «Ich bin gestorben dem Weltgewimmel / Und ruh' in einem stillen Gebiet, / Ich leb' in mir und meinem Himmel, / In meinem Lieben, in meinem Lied» («Я умер для мирового пустозвонства, / Живу в своем спокойном уголке, / Живу я в мире и с собой и с небом, / С любимыми и с песней своей»; цит. на S. 73).

Приложения, которые обычно являются дополнительным материалом, в этой книге составляют значимую часть содержания. Первое раскрывает богатство откликов на «Вечернюю песню путника» (1838) Рюккерта в кругу петрашевцев (А. Н. Плещеев, М. Л. Михайлов,

* *Uhrig Max-Rainer. Auf Gewundenen Pfaden Friedrich Rückert und Russland. Baden-Baden: Ergon Verlag, 2019. 130 S.*